

Подводя итоги, можно сказать, что область эстетической хирургии очень широка и съ давнихъ поръ поглощаетъ труды ученыхъ. Часть операций, входящихъ въ эту область, помимо своего чисто эстетическаго значенія, обладаетъ еще и медицинскимъ, возстановляя необходимыя условія для нормальнаго функционированія организма. Другія же ставятъ себѣ цѣлью устранить тотъ или иной недостатокъ, не препятствующій нормальнымъ функциямъ, но непріятный для глазъ. Такія операціи не необходимы; онѣ, такъ сказать, операціи роскоши; къ счастью, быстрее развитіе хирургіи даетъ ученымъ возможность позволить себѣ эту роскошь, если пациентъ ея добивается.

IV. Литература и печать.

Ницше и Кантъ.—Карлейль.

Ницше и Кантъ. Это заглавіе не обѣщаетъ сравненія личностей двухъ великихъ мыслителей, напротивъ, мы будемъ говорить преимущественно о Ницше, приводя въ связь нѣкоторыя непонятныя ученія его съ воззрѣніями Канта; предъ нами не выступитъ весь Кантъ мыслитель, но мы обратимъ вниманіе на отдѣльные элементы кантіанизма, наиболѣе типичное содержаніе коихъ, благодаря Канту, получило опредѣленный видъ.

Ницше прилагаетъ къ современному обществу мѣрку, которая находится въ противорѣчій съ демократическими идеалами. Въ то время, какъ сумма счастья и свободы для отдѣльной личности и культуры считается въ нашемъ буржуазномъ обществѣ наивысшею по сравненію съ таковою въ прежнія историческія эпохи, Ницше отдаетъ предпочтеніе только тѣмъ немногимъ индивидуумамъ, которые обладаютъ высшею силою, красотою и развитіемъ. Высшими представителями челоуѣчества Ницше считаетъ людей, которые не преклоняются предъ общественными требованіями, выражающими лишь посредственность взглядовъ буржуазіи. Философія Ницше—это критика высшихъ проявленій челоуѣческаго духа, т. е. критика этики, психологіи, религіи, искусства и вопросовъ соціальныхъ. Многіе видятъ въ этическомъ индивидуализмѣ Ницше базисъ его философіи, но индивидуализмъ Ницше не вполне ясенъ и понятенъ даже самимъ его соотечественникамъ, напримѣръ, Циглеру и Зиммелю.

Характерною чертою современной культуры является тенденція приспособить духовную жизнь къ будничнымъ потребностямъ, между тѣмъ наше духовное самосознаніе протестуетъ противъ культурной буржуазности. Ницше критикуетъ современную культуру и современнаго челоуѣка. Челоуѣкъ—это «грязный потокъ», челоуѣкъ современной культуры обладаетъ духомъ, который есть «бѣдность и грязь». Таковы афоризмы Ницше относительно современной культуры; но, несмотря на такое воззрѣніе Ницше, мы не можемъ обвинить его самого въ эпикурейскомъ эгоизмѣ, хотя мыслитель не трогается униженіями и страданіями массы. Все челоуѣчество не можетъ одновременно возвыситься, а потому, чѣмъ скорѣе поднимаются верхніе слои общества, тѣмъ болѣе бу-

деть увеличиваться пропасть между высшими индивидуумами и общою массою. Безсердечіе высшихъ по отношенію къ массѣ является безусловной необходимостью превосходства первыхъ надъ второю. Въ этомъ случаѣ Ницше переноситъ въ этику основное кантовское чувство изъ индивидуальной морали. Для Канта нравственное совершенствованіе мыслимо только при укрощеніи нашихъ низкихъ чувственныхъ желаній. Человѣкъ въ основѣ своей дурень, и нашъ разумъ долженъ бороться съ земными расчетами, чтобы убить его низшія потребности. Такое улучшение и возвышеніе нашего существа связано со страданіями. Кантъ приводитъ въ связь возможность улучшения человѣка съ его личнымъ страданіемъ, Ницше же требуетъ улучшения не только отдѣльнаго человѣка, но всего человѣчества. Онъ уничтожаетъ связь между возвышеніемъ человѣка и необходимыми для того страданіями. Безчисленное множество людей должно страдать и жертвовать собою, чтобы обусловить продуктивность творчества и силы одного отдѣльнаго человѣка, который подниметъ человѣчество на высшую, недостижимую до того времени ступень. Кантовское представленіе объ индивидуальной высокой душѣ распространено на все человѣчество — связь между улучшеніемъ и страданіемъ одного человѣка устраняется, и улучшение индивидуума связывается со страданіями многихъ субъектовъ, которые проникнуты сознаніемъ единства человѣческаго рода.

Въ другомъ основномъ пунктѣ, касающемся вопросовъ морали, повтореніе кантовскаго основного мотива мы встрѣчаемъ опять-таки у Ницше. Кантъ видитъ причину долга и поступка въ томъ, что поступающій такъ или иначе человѣкъ желаетъ, чтобы принципъ былъ всеобщимъ закономъ. Если человѣкъ относится сурово ко лжи и къ воровству, хотя бы вынужденнымъ лишеніемъ, то это происходитъ отъ того, что человѣкъ не желаетъ жить среди людей, которые признавали бы ложь и воровство закономъ. Такой міръ тотчасъ погибъ бы вслѣдствіе внутренняго противорѣчія, и отдѣльный человѣкъ изъ эгоистическаго интереса не захочетъ, чтобы его обманывали или обворовывали. Этотъ критерій между прочимъ исходитъ изъ удивительнаго ученія Ницше о «вѣчномъ повтореніи». Когда міровой процессъ, говоритъ Ницше, прекратится въ безконечномъ времени, вслѣдствіе истощенія конечной массы силъ и матеріала, то всѣ вышедшія изъ нихъ комбинаціи должны истощиться въ конечное время; затѣмъ процессъ начинается вновь, и сообразно законамъ причины тѣ комбинаціи должны повториться въ прежнемъ порядкѣ до безконечности, причѣмъ въ виду непрерывности міроваго бытія, каждый любой моментъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ моментъ, въ которомъ совпадаютъ одинъ заканчивающійся, а другой начинающійся міровой періодъ. Такимъ образомъ содержаніе каждаго момента, каждый человѣкъ со всѣмъ живущимъ существовали уже безчисленное число разъ и вновь будутъ существовать безконечное число разъ. Фактически такое утвержденіе, конечно, невѣрно.

Безконечное повтореніе нашихъ отношеній становится у Ницше критеріемъ, и таковъ же практическій смыслъ кантовскихъ нормъ; собственная жизнь выступаетъ со своими послѣдствіями лишь тогда, когда ея принципъ вмѣсто того, чтобы быть случайнымъ и единичнымъ, становится нормою, всеобщимъ закономъ. Кантъ расширяетъ фактъ повтореніемъ его одновременно среди многихъ лицъ, а Ницше дѣлаетъ

фактъ безконечнымъ, повторяя его по отношенію къ одному индивидууму на пространствѣ безконечнаго времени. Но умноженіе факта у Канта и Ницше служитъ одной цѣли: лишить фактъ случайности и сдѣлать каждое дѣяніе безконечнымъ въ отношеніи числа и времени. Относительно морали, кажущейся Ницше выдумкою христіанства и альтруистическихъ воззрѣній, онъ становится въ противорѣчіе къ Канту, который признавалъ исключительно моральныя цѣнности.

Ихъ различіе состоитъ въ томъ, что Кантъ признавалъ существующую мораль, Ницше же хотѣлъ дать ей иное содержаніе. Кантъ былъ теоретикомъ, признававшимъ данное, а Ницше былъ проповѣдникомъ, который хотѣлъ преобразовать данное. Кантъ былъ того мнѣнія, что нельзя создавать новой нравственности, ибо иначе пришлось бы признать, что весь міръ до того времени заблуждался. Ницше же допускаетъ возможность заблужденія всего человѣчества до нашего времени и думаетъ, что могутъ быть высшія морали. Мораль же въ этомъ смыслѣ, какъ ее до сихъ поръ понимаютъ, считается Ницше вредною и убивающею въ человѣкѣ все живое. Итакъ, Кантъ, констатируя и формулируя историческую мораль, считаетъ ее непоколебимою; Ницше же видитъ въ современной морали вредную и рабскую нравственность, съ которою необходимо бороться и отвергнуть ее. Ницше борется съ моралью, какъ съ явленіемъ, нарушающимъ самостоятельность личности, но признаетъ индивидуальный долгъ, какъ велѣніе своего личнаго «я». Безнравственнымъ человѣкомъ, подобно греческимъ софистамъ, или философствующимъ дѣятелемъ XVIII вѣка, Ницше не былъ. Проблемою для Канта и для Ницше были не одни и тѣ же вопросы, потому что первый былъ интеллектуалистомъ, для котораго практическіе вопросы были только предметомъ теоретическаго разбора; другой же былъ страстнымъ реформаторомъ, для котораго и теорія была лишь средствомъ для практическаго осуществленія задачъ. Кантъ разбиралъ идеаль существующій, а Ницше—идеаль, который долженъ былъ замѣнить собою современный.

* * *

Карлейль. Прошло четверть вѣка съ того времени, какъ его опустили въ могилу въ родной шотландской землѣ—тихо, безъ всякой торжественности, какъ и подобаетъ мудрецу, презиравшему все показное въ жизни и любившему въ людяхъ только серьезность. Онъ совершилъ свой жизненный путь молчаливо и просто, несмотря на то, что былъ славнымъ писателемъ, коего слова разносились по всему свѣту. Въ его рѣчахъ было много мужественнаго, серьезнаго и сосредоточеннаго въ себѣ. Онъ говорилъ такъ, какъ нѣкогда говорили суровые пуритане, какъ говорилъ Кромвель, къ которому онъ былъ привязанъ всѣмъ сердцемъ. Онъ говорилъ тогда, когда на него сходило вдохновеніе—вдохновеніе познанія, обязанности, готовности къ борьбѣ. Въ часы своего уединенія онъ говорилъ словами, полными священнаго огня. Но многословіе было ему ненавистно. Слова не имѣли для него значенія, напротивъ, дѣло составляло для него все. Какъ нѣкогда Кромвель молча шелъ за плугомъ и затѣмъ, повинаясь высшему призванію, взялся за мечъ, такъ и Карлейль, увлекаемый желаніемъ серьезнаго и необходимаго дѣла, былъ одновременно свѣтелемъ и борцомъ.

Онъ оставался всю жизнь строгимъ пуританиномъ. Онъ жилъ всегда